

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

СПЕЦНАЗ ГРУ ЭЛИТА ЭЛИТ

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

Вежливые люди (ЭКСМО)

Михаил Болтунов

Спецназ ГРУ. Элита элит

«Алисторус»

2015

Болтунов М. Е.

Спецназ ГРУ. Элита элит / М. Е. Болтунов — «Алисторус»,
2015 — (Вежливые люди (Эксмо))

Новая книга военного журналиста Михаила Болтунова расскажет о героях из спецназа ГРУ. Их жизнь до сих пор проходит под грифом «Совершенно секретно», но автор располагает уникальной информацией и охотно делится ею с читателем. Исследование охватывает огромный период. Это подразделение смогло вместить в себя всю военную историю XX века. Сколько было войн – столько и воевали: в Гражданскую, в финскую, на Халхин-Голе, в Великую Отечественную и многочисленных локальных конфликтах «холодной войны», в «горячих точках» после развала Советского Союза. И, несмотря на весь этот ад, они победили, потому что была у этих людей великая вера в Отечество.

© Болтунов М. Е., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Через две войны...	6
Эдельвейсы для капитана	18
«Данила»-мастер	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Болтунов

Спецназ ГРУ. Элита элит

© Болтунов М., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Дорогие читатели!

Как вы начинаете свой будничный, рабочий день? Странный вопрос, не правда ли? Встаёте и, как миллионы соотечественников, спешите на работу или учебу. И это вполне нормально, пусть и обыденно.

Но есть среди нас люди, которые каждое утро, а если необходимо, и каждую ночь, собираются и идут... воевать. С террористами. Они, к сожалению, не перевелись ни в нашей стране, ни вообще в мире.

Правда, эту войну с террором в прессе и на телевидении называют по-разному, но всякий раз весьма политкорректно: «наведением конституционного порядка», «контртеррористической операцией», «борьбой с незаконными вооруженными формированиями». Тут уж, как говорят в народе, хоть горшком назови. Однако война – она и есть война. С кровью, болью, ранеными, искалеченными, убитыми, с трагедиями для людей, семей, народов.

Война с терроризмом стала для большинства россиян некой фантомной болью. Вроде и нет ее, а болит, нудит, беспокоит. То и дело приходят быстрые сообщения, мелькают короткие сюжеты по телевидению: взрыв, очередной теракт, нападение из-за угла, убийство. Вот в очередной раз банда террористов сделала кровавую вылазку, напала на полицейских в Грозном, захватила дом печати. Была уничтожена. Есть убитые и раненые.

Да, время от времени террористы стараются взорвать этот мир. Выходит, война с террором на самом деле не фантом, а реальность. Пусть не хочется в это верить. Да что там верить, и думать об этом не хочется.

Вот и получается, что нам помыслить о той войне тяжело, а им идти в бой, под огонь террористов, под пули и гранаты. Кто они, эти люди? Наши люди. Лучшие люди России. Честные и мужественные сыны Отчизны. Те, кто первым встал на пути террора и не сходит с него до сих пор. Они – профессионалы сил специального назначения. Пока что у них, к сожалению, всегда есть работа.

Я дружен с ними более четверти века, знаю об их делах не понаслышке, и, поверьте, за эти годы жизнь их мало изменилась. Они по-прежнему на войне. Иначе сегодня нельзя.

Современный терроризм кровав и жесток. Это беда вселенского масштаба, не признающая ни границ, ни стран, ни континентов. И только профессионалы сил специального назначения способны противостоять ему.

О них, донкихотах современности, их тяжелой службе и героических делах – эта книга.

С уважением автор.

Через две войны...

*Каких друзей война мне подарила?
Да тех, кого потом назад взяла...*

Стихи неизвестного автора

Начало апреля в горах Чечни было неустойчивым и капризным. Свирепые ветра вперемешку с дождем сменялись вязким туманом. Туман окутывал все вокруг и, казалось, залезал в душу. Но проходил час-другой, лес на склонах гор очищался, становился прозрачен и гулок. Солнце, по-летнему яркое, цепкое, катилось по склонам, выжигая тени.

Группа бойцов спецподразделения «Вымпел» готовилась из базового лагеря выйти в дозор, чтобы провести разведку местности и противника. После высадки из вертолетов, на третий день пути, они подошли к предполагаемой базе боевиков. Теперь оставался последний этап – проверить правильность оперативных данных, вскрыть координаты базы и уничтожить ее.

Отдел полковника Алексея Баландина находился на Северном Кавказе уже полтора месяца. Бойцы порядком устали. Хотелось домой, вернуться в мирную, спокойную жизнь, к семьям, к женам, детям. Отдохнуть, восстановиться... Но командировку продлили. Что поделаешь, такое бывает. Конечно, никто по этому поводу восторгов не высказывал, но и трагедии не делал. Надо – значит, надо. В конечном итоге без надобности никто не собирался держать сотрудников в этих горах.

Отправляя дозорную группу, полковник Баландин пошел их проводить. Как скажет потом командир дозора: «Алексей Васильевич – начальник отдела, полковник, да и возраст у него приличный, он не должен постоянно с нами ходить на такие задания. Но он ходил. Не мог зама послать или издали контролировать. Такой был человек. Такой у него характер. И потому, высылая группу, пошел проводить нас до рубежей охранения».

Самое трагичное состоит в том, что на малом кусочке горной земли, где через несколько минут подорвется Баландин, до него топталось немало людей – командир отделения, наблюдатель из охранения, который сидел здесь же у дерева, саперы, проверявшие местность. Каждый из них мог подорваться. Но подорвался самый старший и самый опытный. Что ж, на войне как на войне...

Для Алексея Васильевича Баландина это была вторая война.

* * *

Первая началась в январе 1985 года. В своем дневнике, который он начал вести в 16 лет, еще в школе, лейтенант Баландин коротко записал – «15 декабря 1984 года. Вызвал командир полка, сообщил про Афган». И больше ничего, ни словечка, ни запятой. Как переживал Алексей это сообщение, теперь уже никто не узнает.

Следующая запись сделана 19 января 1985 года. Рядом с датой всего одно слово. Те, кто бывал «за речкой», знает – слово это бьет по нервам покруче выстрела: «Кабул».

Через три дня новая строка в дневнике: «Кандагар. Десантно-штурмовой батальон». Через три недели: «Первый бой с духами».

Вообще два с половиной года войны у командира разведвзвода Алексея Баландина укладываются всего в одну страничку его дневника. Думаю, стоит ее привести полностью.

Итак, после первого боя с духами, через месяц, в марте 1985 года он отметил: *«С 15 по 18 марта находился на гауптвахте в Кандагаре»*. Что тут скажешь, боевой офицер, случается и такое: между боями отдохнул на гауптвахте.

«2 июля 1985 года – ранен осколком в лицо».

«2 августа получил звание старшего лейтенанта». *«С 18 по 21 августа на гауптвахте в Кандагаре»*. А вот это уже объяснимо и понятно: звезды на погоны не падают сами. Они зарабатываются потом, а порою и кровью. И не обмыть их по-настоящему, по-офицерски, – «западлю». Это подтвердит вам каждый, кто служил.

«17 февраля 1986 года стал членом КПСС». *«С 28 февраля по 2 марта командовал ротой, результаты хорошие»*.

«11 августа получил орден Красной Звезды».

Казалось бы, полгода прошли что надо, одни радостные события. Во всяком случае, судя по дневнику Алексея. Но не забудем, он... на войне.

И уже следующая запись холодит душу.

«25 декабря 1986 года – 19:30 – ранен». И дальше читаешь и понимаешь – ранен серьезно. *«5 января 1987 года – Ташкент»*. С царапиной из Афгана в Ташкент не отправляли.

Последняя военная строка: *«17 января 1987 года – второй орден Красной Звезды»*.

Да, надо признать, Алексей Васильевич Баландин был не очень разговорчив. Даже наедине с собой, со своим дневником. Хотя, начиная вести его еще мальчишкой, юнцом, он считал, что *«эта тетрадка поможет лучше узнать себя»*. Задавал весьма непростые вопросы: *«Какой же я на самом деле?»*.

А ведь и вправду, какой он был на самом деле – Алексей Баландин?

«Да обычный мальчишка, – рассказывает брат Алексея Владимир Баландин. – Нас в семье трое – старшая сестра Ирина и мы с Лешей, погодки. Я родился в 1960 году, он в 1961-м».

Отец служил в дивизии Дзержинского сверхсрочником, потом прапорщиком. Мама работала на первом часовом заводе в Москве. Жили в Балашихе.

Нельзя сказать, что в школе мы с Лехой балбесами были. Математику не любили. А так в основном четверки, тройки.

Хулиганить времени не было. Родители с шестого класса отдали нас в детско-юношескую спортивную школу при литейно-механическом заводе. Тренер у нас Валентина Владимировна, строгая, а главное – очень увлеченная своим делом. Помню, где мы только не тренировались: на стадионе братьев Знаменских, на „Динамо“ и в Крытом Манеже. Всюду таскала нас, возилась с нами, программы индивидуальных тренировок разрабатывала.

Леха специализировался в беге на четыреста метров, у меня – полторы тысячи. На соревнованиях боролись, побеждали. По первому взрослому спортивному разряду выполнили. Потом это здорово Алексею в военном училище помогло. Он даже чемпионом Московского округа по офицерскому многоборью стал».

Действительно, летом 1981-го курсант высшего общевойскового военного училища им. Верховного Совета РСФСР Алексей Баландин победит на окружной олимпиаде. И это будет важный шаг в его непростом курсантском становлении. Немного позже он запишет в дневнике: *«Первая встреча с солдатами лицом к лицу... Да, я стеснительный при знакомствах и трудно схожусь с новыми людьми, но на занятиях в войсках мне кое-что удалось, чувствовал себя уверенно и голос не дрожал. Ну, что, получится из тебя офицер?»*

А ведь всего год назад у него были сомнения, да еще какие. Дневниковые страницы заполнены ими.

«Да, я уже настоящий курсант, – пишет Алексей в октябре 1979 года после поступления в училище. – Но служба пока не очень, с ротным дела обстоят хреново. Вот пишу, а сам стою в наряде. Ротный „нарядил“.

Как-то мы здесь работали, развели костер, я смотрел на огонь, и такая таска меня взяла, думаю, зачем тебе это надо, сидел бы дома. Но „слабинка“ быстро прошла. А вообще училище мне нравится. Хотя что будет дальше, не знаю...»

А дальше он просто работал. Уцепившись зубами, как бы ни было трудно. Алексей помнил, как с первого раза не прошел в училище. Ох, обидно было, тяжело, слезы душат. Схватив дневник и, запершись в комнате, записал: *«Даю себе клятву! Кровь из носа, но в училище поступлю. Точка! 2 ноября 1977 года».*

Через пять лет, на стажировке в гвардейском учебном мотострелковом полку, перед нами предстанет совсем другой человек.

В апреле 1982 года, на третьем курсе, Баландин так оценит себя:

«Нахожусь на стаже в Риге. Командую уверенно. При проведении занятий чувствую себя достаточно подготовленным.

Теория теорией, но на практике понял: после окончания училища по прибытии в войска надо начинать работу прежде всего с сержантским составом».

Через год с небольшим жизнь предоставит ему такую возможность. Уже лейтенантом приедет он в Южную группу войск, в Венгрию, в 201-й танковый полк, где будет назначен командиром разведывательного взвода. Кстати говоря, с этих пор вся его дальнейшая служба будет проходить в разведподразделениях.

23 августа 1983 года в дневнике появится такое признание:

«Прибыл в ЮГВ. В основном все нормально. Тянет домой, в Россию. Дома осталась куча дел.

Командую взводом, подчиненные ребята обленившиеся и распустившиеся».

6 марта 1984 года следующая запись:

«Стою в карауле. Вот уже полгода командую взводом. Чувствую себя уверенно».

Трудно сказать, возможно, эту уверенность Алексея прочувствовал не только он сам, но и его командование. К тому же в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане всегда была нехватка командиров разведвзводов. Словом, лейтенант был срочно вызван к командиру полка.

Обычно офицеры-холостяки служили в группах войск по три года, но командировка Баландина в ЮГВ длилась менее полутора лет. Почему? Теперь уже вряд ли кто-либо сможет ответить на этот вопрос. Не исключено, что он сам согласился поехать в Афган. Бывало тогда и такое. Офицеры добровольно писали рапорта с просьбой отправить их «за речку». Иногда это делалось, как говорили в ту пору, добровольно-принудительно. То есть когда от предложения трудно было отказаться. Но, так или иначе, в начале 1985 года лейтенант Баландин угодил на свою первую войну.

«...Кабул! Вы знаете, что такое Кабул? – спрашивает у меня полковник запаса Михаил Рыков. Он служил в Афганистане в одной роте с Алексеем Баландиным. – Неважно, зима или лето, но это всегда солнце. Рокот транспортных самолетов, которые взлетают, садятся. Их сопровождают „вертушки“. Они обеспечивают взлет и посадку. Поднимаются вместе с самолетом и барражируют, пока борт набирает высоту.

Когда ты выходишь из самолета, первым делом видишь каких-то лысых мужчин в джинсах, с автоматами через плечо, с магазинами, перевязанными синей изолентой. Этакie бывалые ребята, герои.

Куда-то бегут солдаты. Они почему-то должны обязательно бежать. Звучат команды. Где-то вдалеке слышится рокот стрельбы, и ты даже видишь трассеры от пуль.

Что это вам напоминает? Конечно же, Голливуд. Помните броское начало голливудских боевиков? Солнце, рокот самолетов, команды, топот десятков ног. Это и есть запах войны, считают голливудские режиссеры. Это, конечно, не совсем так, или, вернее, совсем

не так, но нам пришлось окунуться в подобную атмосферу, прибывая в Афганистан. Окунался и Баландин, и я, и сотни, тысячи других ребят.

Алексей прибыл „за речку“ на год раньше меня. Служил командиром разведвзвода в 70-й отдельной гвардейской мотострелковой бригаде, которая дислоцировалась в Кандагаре».

Что ж, год войны – срок немалый. Ротным у Алексея был Вадим Якуба. В 1986 году – у Якубы замена в Союз. Первый кандидат на должность ротного – Баландин. Но в феврале того же 1986 года из Закавказского военного округа по прямой замене прибывает старший лейтенант Михаил Рыков. Однако о какой прямой замене могла идти речь, ежели офицеров в разведроту, а тем более на разведроту, из Союза не брали. Только с опытом и, как тогда по праву считали, только «фронтовиков». Такова была годами устоявшаяся традиция. Но у Рыкова приказ, назначение на разведроту.

Попытались Михаила уговорить, объяснить, предлагали роту в десантно-штурмовом батальоне, да тот уперся. Я, мол, на Кавказе разведротой командовал и здесь буду командовать. Разумеется, бумаги, врученные в отделе кадров штаба округа, подтверждали – Рыков идет вместо Якубы. Так, сам того не желая, Михаил перешел дорогу Баландину.

На первый непосвященный взгляд, странный спор. Рота – она и в Африке рота. Ан нет. И вот как объясняет эту метаморфозу сам Рыков.

«Сейчас, с годами, думаешь: ну какая разница, разведрота, не разведрота. Но тогда мы были молодыми. Да еще на войне. И командир разведроты – это фигура, что-то типа Рэмбо на территории Кандагарской губернии. Если солдат-разведчик с наглым взглядом есть уже нечто крутое, то о его командире и говорить не приходится. И вот это место, которое должен был занять Леша Баландин, занял я.

Потом часто ставил себя на место Алексея. Не дай Бог. Точно пошел бы к начальнику разведки, а то и к комбригу. Стучал бы в полосатую грудь кулаком и требовал, мол, я весь такой заслуженный, кровь проливший за Родину, наград у меня немерено, а тут какого-то дурака из Союза прислали.

Леша оказался мудрее меня. Он никуда не ходил. В грудь кулаком не бил. Понимаю, в душе ему было горько, но этого он никогда не показывал. Баландин как делал, так и продолжал делать свое дело. Кстати, делал он его всегда неторопливо, спокойно, я бы сказал, даже как-то лениво, без излишнего служебного рвения. Помните, как в той старой поговорке: „От службы не бегал, но и на службу не напрашивался“. Так вот, это про Леху.

На войне излишнее рвение чревато. Был у нас в бригаде один ротный, который, как в сорок первом, солдат чуть ли не в атаку под душманские пули поднимал. Так вот, Алексей никогда не геройствовал. Солдат берег. Что характерно: на солдат никогда не орал. Не слышал я от него нашего извечного военного: „Эй, боец! Иди сюда!“ Он командовал, как говорил, как дышал.

Думаю, и потом в „Вымпеле“ он был таким же. Если хотите, это его, баландинский, стиль руководства».

* * *

...Закончил первую свою войну комвзвода разведки Алексей Баландин 25 декабря 1986 года. Известно даже время, помните, помечено в дневнике – 19:30. Ранение в руку: повреждено сухожилие, затронут нерв, разорвана мышца. Его привезли в Ташкент, оттуда в Самару, в госпиталь Приволжского военного округа. Сделали три операции. Предлагали уволиться из армии по ранению. Только куда ж ему без армии.

Здесь, в госпитале в Самаре, Алексей Баландин встретил свою любовь, медицинскую сестру Машу.

Рассказывает Мария Баландина:

«Я работала в 358-м самарском окружном госпитале медсестрой. Из Афганиста к нам шли борты. Порою по 80 человек встречали. Мы выезжали к самолету, принимали раненых: этот легкий, тот тяжелый... Кому перевязку, кому капельницу...

Алексей был ранен в руку. Я встречала этот борт, помню, как он вышел, рука перевязана.

Работала в травматологии, у нас тяжелые больные. Палаты все заняты, раненые в коридоре лежали. И одна дежурная медсестра на отделение.

Мы тогда, случалось, сутками работали, иногда не выходя из госпиталя.

Алексей, хоть и был офицером, старшим лейтенантом, почему-то попал в 13-ю солдатскую палату. Он же, как человек скромный, не возмущался – положили, и лежит, не возражает. А я, помнится, на дежурстве его историю болезни, листаю и думаю: „Странно, а чего это у нас офицер с бойцами лежит?“

Подсказала начальнику отделения. Перевели его в другую палату.

Он перенес несколько операций, осложнение было. Но ничего, выкарабкались.

А однажды как-то стала замечать, что в мое дежурство бойцы ведут себя потише: слушаются, не куролесят, в одиннадцать часов – отбой. Другие медсестры на пятиминутке жалуются, а у меня начальник отделения спрашивает: „Как дела, Маша?“. „Нормально“, – отвечаю. Только потом поняла, что это Алексей помогает мне поддерживать дисциплину в отделении.

Вот с этого, собственно, и начались наши отношения, которые закончились свадьбой».

...Когда старший лейтенант Баландин выписался из госпиталя, ему вручили предписание прибыть для дальнейшего прохождения службы в Киевский военный округ. Но округ велик, и место Алексею определили в полку, который был развернут у города Артемовска, что в Донецкой области. Баландин возглавил роту.

В первом письме, которое получила от него Маша, он так описал свое житье-бытье:

«Извини, что долго не писал, не было постоянного места жительства. Теперь вот устроился. Попал служить в город Артемовск. Вернее, это не город, а деревня.

Общезития здесь нет, поэтому живу у бабули, квартиру снимаю. Почти все время на службе, ухожу рано, прихожу поздно.

Делал снимок руки, кость пока не срослась, так что хожу в гипсе. Жаль, но в баню в гипсе не пойдешь».

Его письма не отличались особым разнообразием. Да и о чем таком веселом мог написать любимой женщине ротный в забытом Богом гарнизоне. Какая жизнь – такие и письма.

«Здравствуй, Маша! У меня все нормально, работаю, да по вечерам печку топлю. Надо где-то дрова доставать, а то скоро холода начнутся. Хотели квартирой меня осчастливить, когда новый дом сдавали, да выяснилось в последний момент, что я холостяк. Отложили решение до лучших времен. Сказали, когда женишься, дадим в другом доме. Его должны скоро сдать».

В последнем письме перед свадьбой Алексей признался:

«Новогодние праздники я отметил по-офицерски, то есть стоял в карауле. Пришел домой, а тут твое письмо! Единственное светлое пятно в моей темной жизни».

Судя по всему, это светлое пятно Алексею хотелось превратить в нечто большее. И потому в начале 1988 года он улетел к Маше в Самару, 28 января у них состоялась свадьба.

Вот как о тех днях вспоминает Мария Баландина:

«Знаете, жизнь есть жизнь, у нас в госпитале многие медсестры дружили с ребятами, которые лечились здесь, но в результате остались ни с чем. Я, признаться, тоже сильно не надеялась. А чем я лучше других.

А тут Алексей приехал, встретил меня у госпиталя и предложил погулять. Пошли гулять. Проходим мимо ЗАГСа, а он новый, только что открыли. Алексей говорит: „Давай зайдем“. Я ему: „А что там делать?“. „Ну, просто зайдем“. Зашли.

Он попросил бланки заявлений. Смотрю, пишет: „Баландин, Баландина“. Спрашиваю: „Слушай, а ты меня спросил?“. Он улыбается: „А ты что, против?“. „Да нет, не против“.

И дальше заполняет. Я все не унимаюсь: „А ты хоть любишь меня?“. Вздыхнул мой будущий муж и сказал, как отрезал: „Не любил бы – не женился бы“.

В общем, подали заявление. Думала, нам, как обычно, месяц дадут на проверку чувств. Но на следующий день Алексей вновь встречается меня у госпиталя и объявляет: «Завтра регистрация брака». Как завтра? Ужас. У меня ни платья, ни туфель. И денег нет, чтобы их купить.

Но ничего, справились мы с этими трудностями. Как пошутил Алексей: „Полчаса позора, зато счастье на всю жизнь“.

Насчет полчаса позора не знаю, но то, что он счастье Маше подарил на всю оставшуюся жизнь, – это факт. Через год у них родился сын, а зимой 1990 года Алексея Баландина перевели в Сибирский военный округ, точнее, в Новосибирскую область, в Новосибирский район, в деревню Ярково. Там, собственно, и был развернут полк, в котором предстояло служить.

Первое свое письмо с нового места службы он начнет как обычно:

«Дорогие мои! У меня все нормально. Добрался до места назначения. Здесь поле, недалеко полигон, в 400 м проходит дорога в Новосибирск. До города 25 км. Автобусы проходящие.

Сам городок – пять домов пятиэтажек, гостиница и малюсенький магазин. Детский садик в деревне Ярково, правда, он колхозный и детей военных туда не берут.

Я устроился в общежитие, питаюсь в столовой, принимаю роту. Так что все нормально. Как там у вас дела, денег, небось, нет? Если что, занимай. Как только получу – вышлю.

Погода – снег с дождем, ветер, грязь. Готовься, Маша, к зимовке, теплые вещи детские возьми, шубы, валенки обязательно.

Продукты здесь по талонам».

Вот такая армейская реальность начала 90-х годов прошлого столетия.

Ротному командиру Баландину с семьей отвели две комнаты в общежитии, но им вполне хватало одной. В Сибири холода за -40 градусов, а батареи в доме практически не работали. Одну комнату пришлось закрыть. Маша устроила там естественный холодильник. Как-то в Самаре родственники закололи поросенка и снабдили их мясом. Так вот мясо целый месяц в этой комнате хранилось, не размораживалось.

Алексей своими руками соорудил самодельный обогреватель, так и спасались. Сегодня, когда она вспоминает ту пору, в дрожь бросает: как выжили?

Кроме холодов в эти годы свалилась другая напасть: офицерам перестали платить денежное довольствие. Задерживали порою по три-четыре месяца.

...Два с половиной года отслужил в Сибири Баландин, а в 1993-м поступил в академию им. М. В. Фрунзе на командный факультет.

По окончании академии его назначили начальником штаба полка в Приволжский военный округ. Алексей получил звание подполковника и достаточно высокую армейскую должность. С начштаба до командира полка, как известно, один шаг. Однако шаг этот для Баландина оказался тяжелым. Жена Мария так вспоминает впечатления мужа от новой должности: «Он приехал из своего полка недовольный, расстроенный, плевался: „Не моя работа. Это бумажная, кабинетная работа“».

Ну что ж из того, что кабинетная, бумажная, потерпел бы годок-другой, глядишь, и полк бы возглавил. Но Баландин терпеть не мог.

* * *

В марте 1997 года он был уже назначен в «Вымпел». Спецподразделение в ту пору переживало не лучшие времена. Позади оказался бурный 1993 год, переподчинение Министерству внутренних дел, переименование, исход из группы многих опытных сотрудников, наконец, возвращение «Вымпела» обратно в Федеральную службу безопасности.

Алексей Баландин пришелся весьма ко двору. За спиной почти двадцатилетний стаж армейской службы, высшее командное училище, военная академия, опыт руководства разведподразделениями, в том числе и в боевой обстановке в Афганистане. Два ордена Красной Звезды говорили сами за себя.

Назначили вчерашнего начштаба полка... начальником отделения. Конечно, не тысяча человек в подчинении, как в полку, а всего десяток с небольшим офицеров. Но зато каких офицеров! И опять же служба такая, что в кабинете не засидишься. Как пел шуточный персонаж в одном из советских фильмов: «Работа-то на воздухе, работа-то с людьми».

Но шутки шутками, а Алексей Васильевич не мог не понимать, куда он идет служить. Название организации говорило само за себя – антитеррористический центр. Потом его переименовывают в Центр специального назначения, но суть от этого не изменится. Иными словами, из тихого Приволжского округа он вновь попал в окопы, на передний край, на войну. Войну с терроризмом.

Жена, конечно, заметила, что после поездки на собеседование в эту непонятную «воинскую часть» муж сиял, как медный пятак, но значения этому не придавала. Тем более Алексей очень убедительно рассказывал ей, что это обычная база хранения оружия, служба тихая, мирная... Будут, конечно, командировки. Наподобие тех, в которые он ездил прежде, когда возглавлял караулы, сопровождая поезда с различными военными грузами.

Из женского любопытства она все-таки попыталась проверить эту информацию. Как-то не вязался характер ее мужа с тихим сидением на оружейном складе. То он буквально впадал в уныние от штабной службы в полку, а теперь необычайно радовался должности кладовщика.

Она в ту пору, пока Алексей учился в академии, работала в штабе Московского военного округа, носила на подпись документы начальнику штаба. Решила хоть разок воспользоваться служебным положением. Номер части, куда шел служить муж, у нее был, позвонила в мобуправление, попросила расшифровать. Те через полчаса перезвонили, и, что называется, развели руками: «Маш, а у нас нет открытого наименования. Просто войсковая часть ФСБ».

«Ну и база», – удивилась Мария. Вечером вновь взялась за мужа, но тот твердо стоял на своем: «База – она и есть база, и больше рассказывать нечего».

И она, откровенно говоря, поверила. Тем более что база эта стояла в Балашихе, родном городе Алексея. Потому и радуется мужик: служба, родители, брат, сестра, все родственники рядом. Ну, а коли ему хорошо, то и ей отрада. Чего еще желать.

Так она и пребывала в счастливом неведении, пока не пришел сентябрь 1997 года. Помнится, они тогда гуляли на свадьбе. Алексей был весел, смеялся, хохмил, и только когда вышли на перекур, сказал: «Маш, поехали домой».

Она удивилась: «Да что ты, свадьба в разгаре. Молодые обидятся».

Он умолк и тихо сказал: «Мне завтра в командировку».

Мария ахнула: «Как в командировку? Ты чего же молчал? И куда?».

Алексей произнес одно слово: «Ханкала». Она поначалу даже не сообразила, какая Ханкала. Это Грозный тогда на слуху был, а Ханкала... Впрочем, вскоре до нее дошло.

И опять, возвращаясь из командировок, он ее успокаивал, уговаривал, рассказывал всякие небылицы, и только когда в отделе появилась первая потеря, погиб прекрасный парень Андрей Чирихин, Маша поняла, на какой базе «загорает» муж.

А Алексей Баландин тем временем рос в должности: стал заместителем начальника отдела, потом начальником.

Каким он был командиром? Ведь подразделение, которым руководил Баландин, полностью офицерское. У каждого свой характер, привычки, семейные проблемы. И все это накладывается на службу. Тут сформировать команду на командировку – и то немалое искусство. Ведь выезд подразделения антитеррора – это не прогулка в горы. Это командировка на войну. И дело не в том, что его подчиненные не готовы к выполнению боевой задачи. Они готовы всегда. Но жизнь есть жизнь – у одного больна мать, у другого рождает жена, у третьего – ребенок-грудничок, у четвертого оперируют отца. Есть и другие проблемы, порою не такие экстремальные, но тоже крайне важные для человека. И вот все их надо учесть, обговорить, отладить. Чтобы по чести и совести, без громких конфликтов и обид.

Баландину это удавалось.

Но надо признать, бесконфликтно сформировать группу сотрудников для командировки – всего лишь первый, малый шаг. Все остальное и главное там – выполнить приказ и сохранить людей.

Казалось бы, две основные задачи, но как жестоко порой они вступают в противоречие друг с другом. Как часто обретает силу закона не такая уж редкая армейская команда: выполнить во что бы то ни стало. Сегодня она может звучать по-иному, обретая более мягкие интонации, но существо ее остается прежним, как и сотни лет назад: вставать и идти под стрелы, под мечи, под пули, под осколки гранат.

И, кажется, тут нет альтернативы.

Действительно, как сказал заместитель Баландина Герой России полковник Вячеслав Алексеевич Бочаров: *«Вопрос, выполнять или не выполнять задачу, перед нами не стоит. Однозначно – выполнять. Но как ее выполнять – надо думать командиру».*

Алексей Васильевич думал. И не только думал, но и обладал твердым характером, когда отстаивал свои решения.

Рассказывает врач подразделения:

«Мы действовали в районе селения Кака-Шура. Было 20 марта. Обстановка сложилась крайне тяжелая. Боевики засели на хорошо оборудованной базе, в глубине пещеры у них находился снайпер. Сильный снайпер, профессионал по кличке Якут. Потом о нем писали в газетах, были сюжеты по телевидению.

Штурмовало эту базу подразделение внутренних войск. У них – серьезные потери. Офицеров отстреливал Якут. Словом, базу взять не удавалось.

И вот мы прибыли туда. А там – генералы МВДшные командуют. А у нас Алексей Васильевич всего лишь полковник.

Сизю, помнится, у дерева, радиостанция наша рядом, готовлюсь к атаке, рюкзачок сбросил, и своим медицинским умом понимаю: укрепились духи капитально, все у них пристреляно, если пойдем, потери сто процентов будут.

Думаю, ну, если я, медик, понимаю, должны же это понимать генералы из МВД. А они, возможно, и понимают, но задачу-то выполнять надо. И вот слышу, как по радиостанции Баландину отдают приказ: „Вперед! Захватить высоту!“

Алексей Васильевич выдержал паузу и объяснил тому, кто командовал, что без перегруппировки сил, проведения артподготовки своих людей не поведет. И что вы думаете, генералы начали подтягивать минометы».

«Знаете, он любил повторять, – продолжает рассказ доктора его коллега по подразделению „Вымпел“. – Успех операции не в количестве потерь, а в их отсутствии. Бывало, поставит задачу, посмотрит в глаза и скажет: „Без милитаризма“ Отвечаю, мол, Васильевич, понятно, а он еще раз: „Ты понял меня? Аккуратно, без милитаризма“

Так вот, в операции у Кака-Шуры, после того как в подразделении внутренних войск погибло несколько человек, посылать людей на штурм базы смысла не было. Тем более мы только подтянулись. Надо собрать разведданные, обнаружить огневые точки, нанести поражение противнику, а уж потом продвигаться вперед.

Так и сделали. Сами провели разведку, определились, откуда боевики стреляют. Развернули на огневой позиции минометный взвод. Начали вести планомерный обстрел. Долбали их целый день.

Потом привлекли авиацию. Самолеты отработали по позициям боевиков. А мы применили старую армейскую тактическую хитрость. Духи ведь знают: пока минометы стреляют, атаковать их не будут, кто же под свои разрывы ползет, – и сидят в укрытиях, ждут. Но на этот раз минометы работали непрерывно, пока наши метров на 500–800 не подползли.

Потом мы и нахлобучили духов со всей пролетарской ненавистью. Последним ликвидировали Якута.

И ни одной потери с нашей стороны. А теперь ответьте на вопрос: а что, если бы Баландин не выдержал давления сверху и бросил своих людей в атаку? Думаю, ответ ясен.

Вот таким командиром был Алексей Васильевич».

Кстати говоря, отдел, которым руководил полковник Баландин, стал в «Вымпеле» своего рода кузницей командных кадров. Не называя фамилий (они хорошо известны в подразделении), отметим: почти все заместители начальников отделов «родом» из «баландинского» отдела. Есть и начальник отдела, некоторые ушли в центральный аппарат и работают ныне на Лубянке. А это, как говорится, дорогого стоит.

Сослуживец по отделу, друг Баландина, Герой России Вячеслав Алексеевич Бочаров вспоминает:

«Я пришел в антитеррористический центр в 1998 году. Был назначен заместителем начальника отдела. Алексей Васильевич служил в этом отделе начальником отделения. То есть был моим подчиненным. Через некоторое время он также стал заместителем начальника отдела. У нас два зама.

Потом, когда вопрос встал, кого назначить начальником отдела, я на эту должность не претендовал. Ведь я недавно пришел в подразделение, а Алексей Васильевич уже здесь служил, имел опыт работы. Его и назначили начальником отдела.

Хотя он младше меня на шесть лет, я был полковником, а Баландин подполковником, у нас сложились самые добрые, дружеские отношения. За двенадцать лет совместной службы никакие сложности не поколебали нашей дружбы. Служили, как говорится, душа в душу.

Алексей Васильевич был не только верным, надежным человеком в дружбе, но и обладал высокими профессиональными качествами как офицер и руководитель. Он никогда не боялся взять ответственность на себя.

22 июня 2004 года произошло нападение боевиков на Назрань. Отдел находился в двух местах: одна часть в Ханкале – мне пришлось командовать этими людьми; вторую группу возглавлял Баландин, и она работала во Владикавказе.

Нас подняли по тревоге ближе к полуночи, срочно выехали на аэродром и, как говорят, колеса в воздух. В полете узнаем некоторую скупую информацию: нападение боевиков на город, большие потери среди личного состава МВД, много убитых, раненых. Группа Баландина ведет бой.

Когда мы прибыли к месту боестолкновения, практически все наши сотрудники имели ранения, а трое ребят – Дудкин, Черныш и Жидков – погибли. Был ранен в ногу и Баландин.

Мне с трудом удалось уговорить его отправиться в госпиталь.

Надо прямо сказать, что тогда в Назрани группа из 16 человек под командой Баландина выполнила задачу, которую не могло решить ни одно военизированное подразделение, находящееся там».

* * *

...Последним дозорную группу догонял доктор. Пока он укладывал свои медицинские пакеты, отделения ушли вперед. Проходя мимо, увидел, как улыбнулся и кивнул ему начальник отдела: «В группе досмотра доктора нет. Ты уж постарайся там на два отделения. А вернетесь, чайку попьем.»

Доктор краем глаза заметил, как махнул ему вслед рукой Баландин. На душе было тихо и спокойно. Простые, добрые, привычные слова. Словно отец или старший брат провожал в дорогу.

Он едва успел спуститься метров на десять вниз, как прозвучал взрыв. Дикий, раздирающий тишину взрыв.

Доктор пригнулся, почувствовал, как тугим ударом заложило левое ухо, оглянулся и увидел страшную картину: окровавленный полковник Баландин скатывался навстречу ему с горы.

Потом на месте подрыва вымпеловцы обнаружит большую воронку: скорее всего полуторалитровая пластиковая бутылка с взрывчаткой была закопана в грунт. Взрыватель, батарейка, замыкатель, наверх выведена игла от шприца. Без сомнения – давняя закладка. Но поди ж ты, сработала.

Шок был от взрыва, от ранения, но главное – от того, что случилось это с их командиром. Самым знающим и умелым, который десять лет водил их по этим проклятым горам, берег, защищал. Он всегда знал ответы на самые трудные, тяжелые, опасные вопросы. И как бы ни было сложно, они верили, Васильевич всегда с ними. А теперь он сам, беспомощный и окровавленный, лежал у их ног.

Ранение оказалось чудовищным. Кто-то из командиров крикнул: «Стоять всем на месте!». Следовало прийти в себя, понять, что взорвалось. Доктор был рядом с Баландиным, ему со всех сторон полетели индивидуальные перевязочные пакеты.

Одна нога Алексея Васильевича – множественные осколочные ранения, переломаны кости, другая... А другой, по сути, нет. Травматическая ампутация конечности. Кроме того – осколочные ранения брюшной полости, лица, повреждена левая рука.

Пришел в себя второй доктор, стал помогать. Наложили жгуты, забинтовали. Поставили капельницу. Вкололи промедол.

Баландин был в сознании, сокрушался: «Надо же, столько боев, а из-за какой хреновины.»

Его успокаивали, как могли. Саперы еще раз проверили местность. Бойцы стали мастерить носилки, приготовили спальник, укрытие.

Погода, как назло, начинала портиться. Пошел дождь. Тучи напоздали из горных распадков.

Алексея Васильевича укрыли, дали попить. Бойцы все время прислушивались – вертолет вскоре должен появиться над местом их базирования.

Начали пилить деревья, чтобы вертушка могла опустить лебедку. А деревья вокруг – не наши русские березы или осины, а твердые буки. Сменяя друг друга, пилили, валили деревья, оттаскивали в сторону – расширяли площадку.

И вот, наконец, над головой шум винтов. Но пилот не видит земли. Сигнальные ракеты не помогают. Их не видно уже на вытянутой руке.

Заместитель начальника отдела ведет переговоры с пилотом. Но тот бессилен. Иногда не выдерживают нервы, и тогда слышатся настойчивое: «Дайте мне телефон, я сам поговорю с пилотом. Что это за всепогодная авиация. Мы же его потеряем».

Товарища пытаются успокоить. Ну, какой смысл наезжать на летчика. Он и сам не рад. Объясняет по связи: «У меня на борту десять человек. Экипаж, реанимационная бригада, охранение. Мне что, всех угробить? Ну не вижу я земли. Не могу зайти».

Вертушка улетела.

Теперь выход один – Алексея Васильевича выносить. Район эвакуации выбран, там будет ждать техника. Прикинули по карте, до района восемь км по прямой. А по горам? Да еще в сумерках, в непогоду. Но другого не дано.

Перед началом движения решили перекурить. Попросил и Баландин. Прикурили сигарету, он сделал затяжку, долгую, жадную.

– Будешь еще? – спросил командир отделения.

Алексей Васильевич затянулся еще раз на полные легкие, выпустил дым и сказал:

– Все, бросил. Последний раз покурил...

Кто знает, может в эту минуту вспомнил Алексей Васильевич свои шутки-прибаутки насчет курения. Он время от времени обещал жене бросить курить. У нее даже этакий клятвенный лист хранился, где собственной рукой он писал обещания.

Начат этот семейный документ был еще в далеком 1988 году: *«Я, любящий муж Баландин А. В., – писал Алексей, – обязуюсь в честь дня 8 марта и на дальнейшую совместную жизнь бросить курить не только сигареты, но в рот не брать папиросы, махорку и сигары. Старший лейтенант Баландин. 6.03.1988 года».*

Следующая запись была сделана 9 мая того же года: *«Курить бросаю в честь дня рождения любимой жены. Старший лейтенант Баландин».*

А вот уже капитан Баландин 3.10.1988 года пообещал совсем другое: *«Курить брошу, как только рак на горе свистнет».*

Вот, видимо, теперь и свистнул этот рак.

...В путь двинулись в 14:50. А в 16 часов в горах уже темнеет.

Головной дозор выбирал маршрут. Ребята несли носилки, меняясь по очереди. Несли бережно, старались не трясти. Где-то носилки поднимали на вытянутые руки, а иногда опускали их как можно ниже.

Пошли не по гребню, где петляет минированная тропа. Двигались траверсом, спускаясь в долину.

Неотступно рядом с Баландиным – доктор. Он держал капельницу, контролировал пульс, давление.

Примерно через час пути по команде передали: «Стой». Состояние Алексея Васильевича стало ухудшаться.

Вновь вызвали вертолет. Опять прилетел, тарыхтит за тучами. Летчик докладывает: «Ребята, ничего не вижу».

Пошел снег. Доктор под светом зажигалки поставил капельницу, вколол обезболивающее. Сердце забило сильнее, давление подскочило, раненый открыл глаза. И снова в дорогу.

Еще минут через сорок пути доктор подал команду. Носилки опустили. Врач опустился на колени. Баландин тихо спросил: «Ну что, наверное, это все?». Подошли бойцы, обступили командира. Сознание его медленно угасало.

– Ребята, уважайте друг друга... – сказал командир.

Он уходил смиренно и мужественно.

Светила луна. Падал снег. Молчали чужие горы.

Доктор поежился, повел плечами. В эту минуту ему пришла мысль: «Страшно умирать вот так: лес, ночь, Чечня, снег. Не попрощаться с близкими, родными, полностью осознавая, что ты умираешь».

Врач смахнул снежинки с лица командира. Снежинки падали и таяли на щеках. Но в один момент они перестали таять.

Алексей Васильевич Баландин ушел.

Эдельвейсы для капитана

Рано утром начальник заставы Траян Мереуца спешил на смену наряда. Пограничники ждали его у офицерского блиндажа.

– Сегодня день рождения у капитана Мясникова, – обратились они. – Хотим его поздравить.

Михаил Мясников был заместителем у Мереуцы. Они вместе учились в Голицынском высшем военном пограничном училище. После выпуска судьба разбросала их, и вот несколько месяцев назад опять свела на этой Богом забытой заставе на стыке Чечни, Ингушетии и Грузии.

– Информация точна и верна. Михаил Анатольевич появился на свет сегодня, 23 апреля.

– А у нас для него подарок, – сияли бойцы. – Торт!

– Знаю я ваш торт. Обмазали печенье сгущенкой и выложили пирамидкой.

– Ну что вы, товарищ капитан, – обиделись пограничники, – а дипломированного кондитера зачем в штате держим?

Действительно, его заставе несказанно повезло: к ним, видимо, по недогляду кадровиков, попал служить повар-кондитер. И уж торты он пек отменные, даже при их скудных пищевых ресурсах. Выходит, постарался и на сей раз.

– Да-а, – мечтательно улыбнулся начальник заставы, – торт – это замечательный подарок! Думаю, капитану Мясникову он понравится. Молодцы, хорошо придумали!

– Но это только полподарка, – сказал кто-то из пограничников.

– Даже так? – с недоверием спросил Мереуца, видя, как переминаются бойцы с ноги на ногу. – Что ж, выкладывайте.

– Мы хотим ему клумбу эдельвейсов подарить!

Начальник заставы от удивления только глазами захолопал.

– Товарищи пограничники, вы же не первый день службу в горах несете. Пора бы знать, эдельвейсы на клумбах не растут.

Бойцы широко заулыбались.

– В том весь и прикол. Один цветок или даже букет дарить не имеет смысла. А мы ходим в горы, на границу, накопаем эдельвейсов вместе с дерном и соорудим вот тут целую клумбу.

И они указали место, где рядом с офицерским блиндажом на столбе висела тарелка «НТВ плюс», затянутая маскировочной сеткой.

– Представляете, товарищ капитан встает после службы, выходит из блиндажа, а тут эдельвейсы цветут. Здорово!

Как тут было не согласиться начальнику заставы: действительно здорово!

– Только вот без вашего разрешения не можем, – замялись пограничники.

– Да уж, – сказал Мереуца, – сами знаете, на границу имеет право выходить только пограничный наряд.

Бойцы с надеждой смотрели на начальника заставы. Они верили, он должен найти выход.

– И потому, – отдал команду капитан, – старшим наряда назначаю старшину заставы. Всем соответственно экипироваться, надеть бронежилеты, получить оружие, боеприпасы, а цинки для эдельвейсов, надеюсь, вы и сами не забудете.

... Через полчаса наряд «охотников за эдельвейсами» направился в горы. Вернувшись на заставу, бойцы высадили цветы вокруг «НТВшной» мачты. Только вот досада – эдельвейсов для оформления клумбы не хватило. Пришлось совершить еще один поход в горы.

Солнце уже стояло в зените, когда вторую партию эдельвейсов доставили на заставу. Вскоре работы по оформлению клумбы были закончены. И как раз вовремя. Из офицерского блиндажа вышел виновник торжества – капитан Михаил Мясников. Он поздно ночью вернулся из наряда, отоспался и решил взглянуть на белый свет.

Застава уже замерла в строю, прозвучала команда: «Смирно! Равнение на новорожденного!». Мясников принял торт, а потом его подвели к клумбе.

Яркое апрельское солнце играло на улыбающихся лицах бойцов. Белоснежные цветки эдельвейсов, словно серебряные звезды, упали из поднебесья на каменистый кусочек горной земли. Капитан Мясников, как замороженный, смотрел на эти серебряные брызги и ничего не мог сказать. Перехватило горло. Откровенно говоря, подарками он не был обделен. За двадцать шесть лет ему дарили много чего. Но чтобы такое? Капитан был тронут до глубины души.

Поведавший мне эту историю начальник заставы Траян Васильевич Мереуца сказал: *«Вот так любили Михаила солдаты»*. Он замолчал, вспоминая, видимо, о своем однокурснике и сослуживце, а потом добавил: *«Впрочем, эта любовь была взаимной»*.

Увидев мой вопросительный взгляд, Траян Васильевич пояснил:

«Михаил очень заботился о солдатах. Он, как наседка, оберегал их. Понимаю, возможно, кто-то и не согласится с подобным отношением к бойцам, мол, офицер, замначальника заставы... Есть устав, дисциплина. Скажу сразу: все было честь по чести. И устав соблюдался, и дисциплина. Но только ли в них дело. Вот пример. Когда к нам на заставу пришел Мясников, он меня в первый же день спрашивает: „Что так неактивно живет застава вне службы?“. Ну, я только развел руками: делаю, что могу. По максимуму заполняю свободное время обустройством и бытом. Пришли-то на пустое место, жили в палатках. Скинулись с зарплат, купили бензиновый агрегат, стиральную машину, тарелку „НТВ плюс“, телевизоры. Чтоб не ходить по колено в грязи, засыпали плац щебенкой. Путь от блиндажа до столовой прикрыли каменной стеной с бойницами для ведения огня.

Михаил прав, сутки были похожи друг на друга как две капли воды: служба, немного отдыха, остальное время – обустройство. На следующий день то же самое. И это сильно утомляло. Мясников тогда неожиданно предложил: „А давай спортзал сделаем“.

Я, конечно, двумя руками „за“ но у нас же ничего нет. Тут ведь хоть какие-то спортивные снаряды нужны.

„Ну, я подумаю“, – сказал Мясников и уже часа через два пришел с предложением. Спортзал устроить в развалинах старой крепости, которая располагалась рядом с заставой. Там, во всяком случае, стены остались. А штангу, гантели, сказал он, сделаем сами.

И он сделал. На металлические трубы надел выпиленные из бревна чурки, зафиксировал их веревками. Получилась первая штанга. А самое главное – своей идеей создания спортзала он зажег бойцов. Через двое суток смотрю, а пограничников из свободной смены, которые обычно кучковались у телевизора, нет. Исчезли куда-то.

Пошел в крепость. А там почти вся свободная смена. Спортзал вскоре уже не вмещал желающих. Пришлось Мясникову составлять график посещения спортзала.

Подчеркну только, что спортзалов не было нигде, даже в управлении погранотряда. Так что бойцы на Михаила смотрели как на авторитетного и очень заботливого командира.

Или вот еще случай. Мы возвращаемся из боевого разведдозора. Прошли не один километр по горам. Остается последний подъем. Бойцы устали, еле тащат ноги, отстают. Михаил молча подходит к пограничнику и забирает у одного бронежилет, у другого – автомат. И вот, когда возвращались на заставу, на Мясникова кроме своего оружия, „броника“, было еще четыре автомата. И это при том, что у него старая травма колена. Он, когда ходил, ставил ступню внутрь, косолапил, чтобы боль перераспределить.

Кстати, в том дозоре вместе с нами был еще один, правда, прикомандированный офицер. Так вот, я ему персонально давал задание помочь бойцам. Не помог. Люди разные.

Поэтому на нашей заставе, когда предстояло идти в разведдозор, шел либо я, как начальник, либо мой заместитель – капитан Мясников. Альтернативы не существовало. Большие не на кого было опереться. Хотя на заставе находились еще несколько прикомандированных офицеров».

Траян Мереуца знал, что говорил. Казалось бы, какое это имеет значение – прикомандированный офицер или штатный, задачи одни и те же, и ответственность тоже. Иначе зачем он нужен, такой офицер? Место в блиндаже занимать? И если он во время горного перехода молодому солдату не помог, то какой толк от него в бою? Вот потому и ходили в боевой разведдозор Мереуца да Мясников. Когда вместе, когда по отдельности. Ибо не забудем – шел 2001 год, застава располагалась на территории Чечни, в руках офицеров была не только безопасность границы, но и жизни бойцов.

Вскоре сама действительность подтвердила правоту Мереуцы и Мясникова. Как-то одному из тех самых прикомандированных офицеров по острой необходимости руководство погранотряда разрешило выбраться во Владикавказ.

Сделать это было крайне сложно, ибо застава высокогорная, дорог к ней нет, сообщение только по воздуху. Но раз уж случилась такая оказия, начальник заставы попросил этого офицера отправить матери в Кишинев денежный перевод. Тот согласился.

Траян Васильевич снабдил его адресом, деньгами. Сам же написал маме письмо, мол, отправил тебе денежный перевод. Месяца через два пришел из Молдавии ответ: деньги мама не получила.

Разумеется, Мереуца, получив подобное сообщение, вызвал к себе офицера. Тот сначала упирался, но потом признался: деньги пропил, прогулял, перевод не отправил.

В общем, начальник заставы признания добился, но что дальше делать с этим признанием, откровенно говоря, не знал. Дать подлецу по физиономии вполне поделом, да не хотелось устраивать мордобой на заставе. Призывать к совести такого человека – бесполезно.

Думали, ломали голову вместе с замом Мясниковым. И вот тогда Михаил предложил: – А что, если мы на заставе проведем офицерское собрание. И обсудим этот поступок.

Выпускники 1996 года, они только отдаленно слышали, что когда-то в Советской Армии были офицерские собрания и суды офицерской чести, и, кстати говоря, весьма эффективно работали. Но как-то будет теперь? Однако Михаил настаивал. Решили попробовать.

Вскоре в блиндаже собрались все шестеро офицеров заставы. Первым выступил капитан Мясников. Его поддержали остальные. Виновник признался во всем, просил у начальника заставы прощения, тут же написал докладную записку о том, что денежные средства готов вернуть в полном объеме.

Вот такая весьма неприглядная история. Но она была. А слов, как говорится, из песни не выбросишь.

...Летом 2001 года капитан Мясников, отслужив сполна свой пятилетний контракт, подал рапорт на увольнение из погранвойск. За пять лет он послужил на заставах – в Дагестане, в Чечне, был в составе отдельной группы специальной разведки, участвовал в боестолкновениях, получил контузию, попав под удар своей же авиации.

«Я ухожу в спецназ»

Михаил Мясников любил пошутить. Его друзья и близкие до сих пор вспоминают смешные истории из мишиного детства. Некоторые из них стали уже нарицательными.

Так, когда Миша был еще мальчишкой, они набедокурили с другом. Прихватил их какой-то незнакомый дядька, но Мишке удалось улизнуть, а дружок остался в «плёну».

Мишка с волнением и досадой наблюдал из близлежащих кустов, как извивался в крепких руках взрослого мужика его друг, но помочь ничем не мог. Мужик, в свою очередь, грозился оборвать уши озорникам и отвести «пленного» к родителям. Потряхивая мальчишку за шкурку, он добивался имени и фамилии захваченного.

Дружок несколько минут крепился, потом сдался:

– М-миша меня зовут, М-мясников, – жалобно пролепетал он, к искреннему удивлению и негодованию друга.

С тех пор среди друзей и сослуживцев Михаила так и повелось: ежели кто «накосячил», а тем паче подставил товарища, его укоризненно спрашивали:

– Ну и кто ты после этого?

Виновник, приняв позу испуганного дружка детства, жалобно блял:

– М-миша М-мясников!..

Впрочем, в этот раз Михаил совсем не шутил. Встретившись с любимой девушкой Леной, он признался:

– Увольняюсь с прежней работы.

Лена только улыбнулась. Миша работал в «Газпроме», получал большую зарплату и, как ей казалось, был вполне удовлетворен жизнью. Стало быть, в очередной раз решил разыграть ее.

– С такой работы не уходят... – усомнилась Лена.

Михаил остановился, развернул ее к себе и, глядя в глаза, сказал:

– Лен, я вполне серьезно. Ухожу из тихой заводи с большой зарплатой на опасную и низкооплачиваемую работу.

– А куда, можно спросить? – недоверчивая улыбка еще играла на губах девушки.

И тогда она впервые услышала это короткое, как выстрел, слово: *спецназ*.

– Я ухожу в спецназ!

Это название ей, человеку сугубо гражданскому, ровным счетом ничего не говорило. Постигать его непростой смысл Лена начнет позже, когда станет женой офицера того самого спецназа, будет собирать мужа в командировки на Кавказ, не спать ночами, ждать звонка, но самое страшное – хоронить мишиных друзей. Стоять бок о бок с ним у их могилы. Сначала Илью Мареева, потом Сашу Курманова...

Но все это будет потом. А теперь, слушая Мишин голос и глядя в его непривычно серьезное лицо, она, откровенно говоря, не знала, как реагировать на такое заявление. Дело у них уже шло к свадьбе. Она любила этого человека и воспринимала как будущего мужа, отца их детей, и подобное заявление выбило Лену из привычной колеи.

Что и говорить, такое известие выбило бы из колеи любого. Ну, скажите, какой нормальный человек откажется от солидной зарплаты и сам добровольно уйдет из «Газпрома»? И куда уйдет? Туда, где опасно, где стреляют?

Оказывается, есть такие люди. И один из них, ее любимый мужчина, стоял сейчас перед Леной.

– Ну что ж, – сказала она с пониманием, – в спецназ так в спецназ.

И увидела, как засверкали, засветились от счастья его глаза.

Эту же весть, примерно теми же словами, Михаил сообщил и родителям, приехав в родной городок Сельцо, что на Брянщине.

Отец и мать выслушали сына стоически. Ничего не сказали. Потому что понимали – говорить бесполезно. Можно было попытаться переубедить старшего сына, Николая, или младшего, Александра, но спорить со средним и братья не стоит. Ничего не получится. Испытано многократно. Такой уж у него характер – твердый, бескомпромиссный, прямой. Кто ему люб, пришелся по душе, – в доску расшибется, поможет, подскажет, защитит. Кто же не приглянулся, не его, как говорят, поля ягода, – близко к себе не подпустит.

Мама, Татьяна Николаевна, из-за жесткости его характера много переживала. Видела: у сына нет полутонов, только черное или белое, плохое и хорошее. Пыталась вразумить. Однако ничего из этого не вышло. Таким он был, таким и остался: категоричным и самостоятельным.

С будущей профессией Михаил определился еще в 7-м классе, когда большинство об этом и не задумывается. И определился вполне основательно, раз и навсегда.

Одноклассник Игорь Борисов так и сказал: *«Он единственный из нас, кто наперед знал, кем станет в будущем».*

«Михаил нас всех старался увлечь спортом, – вспоминает другой его товарищ по школе Валерий Истратов, – как-то уговорил полкласса ехать в Бордовичи, чтобы научиться прыгать с парашютом. И ведь поехали, прыгали. Только для нас это было развлечением, а для него – еще одним шагом к цели».

Михаил не только занимался спортом – бегал, плавал, осваивал парашютную подготовку. Это как раз таки объяснимо: без крепкой физической подготовки будущему офицеру никуда. Но он увлекался, казалось бы, делами весьма далекими от военной профессии. Например, вместе с братом Николаем они сами ловили и коллекционировали бабочек. Татьяна Николаевна помнит до сих пор, с каким увлечением рассказывали ей сыновья о ночных бабочках, но особенно гордились коллекцией бабочек редких.

Потом братья собирали различные камни, минералы. Занимались в местном Доме культуры в секции моделирования. Правда, Николаю больше нравилось своими руками мастерить самолеты, а Михаилу – корабли, катера.

В школе старший брат любил математику, а средний – литературу. Он даже втайне от родителей писал стихи.

Николай Мясников, хоть и не мечтал, но тоже стал офицером. Ныне уже носит погоны подполковника, служит в Главном управлении кадров. Но шел он к своей армейской карьере как бы кружным путем, долгим и запутанным: учился в Брянском институте транспортного машиностроения, после окончания вуза служил солдатом-срочником, заключил контракт, и только потом ему было присвоено офицерское звание. Он боевой офицер, дважды побывал в Чечне, но настоящим военным в их семье считает брата Михаила.

Николай рассказывал, что у родителей сохранилась старая магнитофонная запись, где они еще детьми на каком-то из праздников демонстрируют свои таланты. Коля, как и положено прилежным мальчикам, читает стишок, а Михаил повторяет одно любимое слово: «Солдаты, солдаты...»

Так он и стал солдатом. Разумеется, в высоком понимании этого слова. После окончания школы подал документы в Голицынское высшее военное пограничное училище и, несмотря на большой конкурс, поступил.

Мама вспоминает: когда уезжал в Москву, не разрешил даже проводить его на вокзал. Простились у дома. «Никаких писем, никаких телеграмм, – сказал он. – Поступлю – сообщу, не поступлю – вернусь».

Не вернулся. Поступил. Прислал короткую телеграмму: «Зачислен. Приезжайте на присягу».

На первых же каникулах сказал маме: «Думаю, что закончу училище с красным дипломом». Татьяне Николаевне, откровенно говоря, не понравилось такое бахвальство. Отучился всего ничего, а уже на красный диплом замахивается. Спросила, откуда такая самоуверенность.

Михаил лукаво посмотрел на мать:

– Мам, ты же знаешь, как я лес люблю: грибы, ягоды, рыбалка.

– Причем тут лес? – удивилась Татьяна Николаевна, не чувствуя подвоха.

– У нас в училище порядок такой: кто плохо сдал экзамены или тем паче чего-то не сдал, отпуск проводит в сокращенном режиме. А мне это надо?

Он весело расхохотался.

Шутка ли это была очередная или сын сказал всерьез, хоть и с хохотком, но все отпуска Михаил гулял в полном объеме, а на выпуске и вправду получил красный диплом.

Перед окончанием училища, когда он гостил в родном доме, отец с матерью намеревались ему: мол, учишься на отлично, значит, за тобой право выбора места службы. Очень уж хотелось им, чтобы сын служил поближе.

– Да я уже давно выбрал, – ответил он.
– Ну, так скажи, если не секрет, – переглянулись родители.
– Какой секрет. Для меня, красnodипломника, забронировано два лучших места – либо таджикская граница, либо Северный Кавказ.

Так оно, в сущности, и случилось. Лейтенант Михаил Мясников попал служить на высокогорную заставу в районе населенного пункта Ахты, что в Дагестане. Был назначен заместителем командира заставы. Его учительница Светлана Константиновна Апатова после гибели Михаила напишет стихи в память о нем. Там будут такие строчки:

Учился мужеству, отваге,
На деле, а не на бумаге...

Это как раз о тех пяти «пограничных» годах.

«Дорогая моя Елена Викторовна!»

Тот вечер накануне отъезда Михаила в командировку Елена Мясникова помнит, словно это было вчера. Она вся на нервах, нелады на работе, ночами сидела-высидивала, писала документы. Чтобы как-то занять мужа, предложила посмотреть кинофильм об адмирале Колчаке. Он только что появился на дисках.

Михаил действительно фильм включил и стал требовать к себе жену:

– Лен, полежи со мной. Давай вместе фильм посмотрим.

Она отнекивалась, сколько могла, потом плюнула на документацию и подкатилась к мужу под бок. Так они вместе и смотрели фильм.

Вдруг он обнял ее и говорит словами из кинокартины:

– Дорогая моя Елена Викторовна! Я вас люблю. Я хочу, чтобы вы это знали...

Михаил не был человеком сентиментальным. А тут он сказал эти слова с такой нежностью, что у Лены сами собой покатались слезы. Обескураженный, он стал успокаивать ее, уговаривать. Но она плакала и не могла остановиться. Теперь-то Лена понимает, что это были последние слова любви ее мужа перед гибелью. Умом она тогда не осознала, да и осознать не могла, а вот душа уже болела и плакала.

Потом, 6 декабря, по телевизору Елена увидит телевизионный сюжет из Дагестана – бой, стрельба, взрывы. И внизу экрана бегущая строка: в ходе спецоперации погиб один сотрудник спецназа ФСБ. И словно удар в сердце. «Миша. Погиб Миша.»

Оперативно-боевое мероприятие по уничтожению террористов готовилось вначале по другой схеме. Это потом бойцы «Вымпела» получают приказ надеть боевую экипировку, взять щиты, а поначалу действовать должны были в штатской одежде. Вся подготовка шла в расчете на внезапность. Но от подобного сценария все-таки отказались. И, видимо, это было правильное решение.

Однако поначалу, когда бойцы, одетые в штатскую одежду, собрались, чтобы выехать по указанному адресу, к Михаилу Мясникову подошел сотрудник. Назовем его Максимом.

Михаил похлопал его по груди, удивился:

– Где защита?

– Так сказали налегке, вот я и не надел бронежилет.

Мясников вздохнул и укоризненно посмотрел на Максима.

– Ну и дурак.

Прозвучало это весьма убедительно. Через несколько минут Макс уже стоял рядом с другими бойцами, надев под «гражданку» бронежилет.

Потом поступила новая команда, и вскоре группа была готова к выезду. Колонна машин вышла в город.

Террористы засели в гостинице, которая стояла у дороги. К ней, как принято на Кавказе, примыкала заправочная станция, небольшой магазин. Номера для проживания располагались на втором этаже. В одном из них и скрывались бандиты. Точное число их никто не знал. Назывались цифры от двух до шести человек. Разумеется, хорошо вооружены и агрессивно настроены.

Подполковнику Мясникову было поручено командовать двумя боевыми тройками. «Вымпеловцы» быстро поднялись на второй этаж: перед ними лежал узкий длинный коридор и три двери. За которой из них укрылись террористы?

Оказалось, они прятались в самой дальней комнате. При попытке вскрыть двери и проникнуть в номер террористы открыли огонь из автоматов и стали забрасывать бойцов спецподразделения гранатами.

Судя по всему, запас боеприпасов у бандитов был немалый: они не жалели ни патронов, ни гранат.

Среди штурмующих появились первые раненые. «Занимайтесь ранеными», – скомандовал подполковник Мясников.

Раненых вынесли в комнату, взяли под контроль коридор. Боевики тем временем забрасывали «вымпеловцев» гранатами.

Рассказывает участник боя, сотрудник спецподразделения «Вымпел» Максим Б.

«Словом, в этом узком, длинном десятиметровом коридоре разгорелся гранатный бой. Михаил Мясников организовал вынос раненого. „Вы эвакуируйте раненого, – приказал он. – Ты прикрываешь. Ты простреливаешь коридор“. Все было четко и ясно. Эвакуация прошла нормально.

Но в этой маленькой комнате нас оставалось шестеро. Михаил сидел у двери, почти в коридоре, я стоял у косяка.

Гранату, которая прилетела от террористов, Мясников взял на себя. Осколки пришили в него и в щит. Если бы граната взорвалась в комнате, раненых было бы сколько, что штурм попросту захлебнулся бы.

Мы вытащили Михаила на улицу. Раны оказались смертельными».

...С тех пор, как погиб Михаил, прошло почти три года, а Лена все слышит его далекий голос и ласковые, нежные слова:

– Дорогая моя Елена Викторовна! Я вас люблю. Я хочу, чтобы вы это знали.

«Данила»-мастер

«Кто сыт, тот гибнет», – любил повторять сотрудник «Альфы» майор Юрий Данилин. Он так и жил, как говорил. Вряд ли его можно было представить сытым и сонным. У него всегда хватало дел и забот.

В первую чеченскую кампанию его, старшего опера, назначили нештатным начальником продслужбы. То есть, выполнив задачу вместе со всеми, он обязан был накормить своих голодных товарищей. Известно, что на сухом пайке долго не протянешь, а чеченский рынок в ту пору – место опасное, да и купить там особенно нечего. Выехать – тоже целая проблема: бронетехника нужна, сопровождение. Магазинов в разрушенных городах днем с огнем не сыщешь.

Тем не менее в группе еда была всегда. И для своих, и для гостей. Юрий Николаевич ударить лицом в грязь не мог. Какая бы трудная задача ни стояла, как бы ни устали бойцы, «поляна» для гостей – прежде всего. Накормить, обогреть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.